

Социальные формы «страха небытия» на различных возрастных этапах

А.Н.Анциута, А.В.Дубровский

Российский государственный университет им. И.Канта

Страх принадлежит к категории фундаментальных эмоций человека и может быть определен как аффективно заостренное восприятие угрозы для жизни, самочувствия и благополучия человека. Существуют основания говорить об условно-рефлекторной мотивации страха, поскольку в нем закодирована эмоционально переработанная информация о возможной опасности. [Захаров А.И.] Но чувство страха у человека не обусловлено только собственным опытом: человек испытывает страх смерти, хотя опыта умирания у него нет. Для понимания природы страха в его тревожных и фобических проявлениях ряд исследователей принимает положение об инстинктивном страхе смерти или страхе небытия, являющимся своеобразным базисом для развития страхов в онтогенезе. С точки зрения Антонова В.Ю., «...страх – это всегда, так или иначе, страх смерти, математическая непреложность события которой в будущем предвидится человеком...» В своем труде «Травма рождения и ее значение для психоанализа» О. Ранк рассматривает появление человека на свет как событие, сопряженное со страхом перед всем новым и неожиданным. Этот страх сопровождает человека на протяжении всей жизни в ситуациях, когда приходится отказываться от какого-то одного своего качественного состояния и переходить в другое. Инстинктивный страх смерти с уменьшением детского эгоцентризма воплощается у подростков в страх «быть не тем», о ком хорошо говорят, кого любят, уважают. Жизнь понимается как жизнь в соответствии с определенными социальными нормами. Конкретными проявлениями страха «быть не тем» становятся страхи опоздать, быть наказанным и т.п. Страх перед смертью начинает выражаться в боязни потери индивидуальности и независимости. [Гольцман Е.Е.] Для схематического анализа трансформации «страха смерти» в онтогенезе может быть использована модель психосоциальных стадий развития личности Э. Эриксона.

Младенчество. Кризис доверия – недоверия. Очевидно, что в основе этого кризиса лежит потребность в безопасности и страх лишиться пищи, ухода и т.д. Вероятно, бессознательный страх за жизнь обретает на этой стадии примитивные социальные формы, что соответствует уровню отражательных возможностей младенца.

Раннее детство. Кризис автономии – стыда. Вероятно, первый страх «социальной смерти» посещает ребенка именно на этой стадии. Если ему не

дают реализоваться (проявить моторную, ориентировочно-познавательную спонтанную активность) в окружающем мире так, как он способен, это может символизировать своеобразное «изгнание из мира».

Возраст игры. Кризис инициативы – чувства вины. В возрасте 3-5 лет возникают первые вопросы о смерти и первые страхи смерти. Фантазирование и вопросы детей на тему смерти и умирания связаны с попыткой формирующегося «я» разрешить проблему своего впервые сознаваемого бытия-небытия. Психолог Гарри С. Салливан предлагает тезис о «психосоциальном уровне потребности в безопасности», понимаемом как безопасность развития личности, что зависит от одобрения и неодобрения со стороны близких взрослых. Фобия развивается как боязнь неодобрения инициативы, в том числе, фантазирования.

Школьный возраст. Кризис созидания – чувства неполноценности. Одновременно с семьей важную роль в жизни подростка начинают играть и другие общественные институты. Тревога, по А. Адлеру, развивается как выражение комплекса неполноценности, возникающего при невозможности нормальных отношений с другими людьми. Страх является средством уберечь себя от разочарования, пренебрежительного отношения к себе. Рассматривая данный кризис в соотношении с базисным страхом смерти или небытия, отметим, что под небытием здесь понимается возможность оказаться вне социальной группы. В филогенезе это соответствует изгнанию из коллектива (племени), что равносильно смерти.

Юность. Кризис идентичности – спутанности ролей. В случае успешной психосоциальной идентификации, у молодого человека появляется ощущение того, кто он есть, к чему стремится. Происходит процесс профессионального самоопределения. Отсутствие четкого представления о будущей профессиональной деятельности провоцирует страх низкооплачиваемой работы, страх бедности и неуспеха.

Ранняя зрелость. Кризис интимности – одиночества. Символическое «бессмертие» личность обретает в отношениях любви и дружбы. В кризисе интимности-одиночества просматривается попытка преодолеть страх своего небытия. Субъективное переживание одиночества, изоляции, потери друга или возлюбленного часто метафорически сравнивается со смертью.

Средняя зрелость. Кризис генеративности – стагнации. Проблема собственного бытия выглядит как включенность в нечто большее, чем частная жизнь. Тот, у кого чувство сопричастности человечеству не выработалось, сосредоточивается на самом себе, переживая осознание собственной нереализованности. В этом возрасте, как считается, человека может посетить неудержимое желание «начать новую жизнь». Многие становятся религиозными. Своеобразным раз-

решением страха небытия в этом возрасте может стать гиперболизированная надежда на счастливое будущее своих детей.

Поздняя зрелость. Кризис интегративности – безысходности. Тот, кому прожитая жизнь представляется цепью упущенных возможностей и досадных промахов, осознает, что упущенного не вернуть. Такого человека охватывает отчаяние, которое С. Кьеркегор называет «смертельной болезнью». Ощущение цельности или интегративности позволяет видеть в смерти трансформацию в некоторую иную форму бытия. Отчаяние же состоит в невозможности даже «умереть», то есть невозможности видеть в смерти продолжение бытия.

Разрушение связи с окружающим миром повергает человека в ужас, потому что с этим миром связано бытие человека. Потребности и желания также являются немаловажными психическими базисами страхов, тревожных состояний и фобий. Современный человек, часто не осознавая различий между потребностями и желаниями, становится подвержен тревожным состояниям и невротическим расстройствам.